

Модель биосферных кризисов // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы. М.: Недра, 2001. № 3. С. 9–16.

Terrestrial palaeoecology and global change Sophia: Pensoft, 2003. 464 p.

Macroevoolutionary events and the origin of higher taxa // Evolutionary Theory and Processes: Modern Horizons. Papers In Honor of Eviatar Nevo. Amsterdam: Kluwer, 2004. P. 265–289.

Late Cretaceous (Turonian) flora of Southern Negev, Israel. Sophia: Pensoft, 2005. 252 p. (in co-authorship with Z. Lewy, E. Nevo).

Палеонтология и парадигмы современного естествознания // Современная палеонтология: теория и методы. М.: ПИН РАН, 2007. С. 8–19.

Mine and gall predation as top down regulation in the plant-insect systems from the Cretaceous of Negev, Israel // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2008. Vol. 261. № 3–4. P. 261–269.

Plant-arthropod interactions in the early angiosperm history: evidence from the Cretaceous of Israel. Sofia-Moscow: Pensoft Publishers & Brill Academic Publishers, 2008. 222 p. (in co-authorship with A. P. Rasnitsyn).

Diversity of Mesozoic gnetophytes and the first angiosperms // Paleontological Journal. 2009. Vol. 43. № 10. P. 1272–1280.

Cercidiphyllum and fossil allies: morphological interpretation and general problems of plant evolution and development. Sofia–Moscow: Pensoft, 2010. 151 p.

New Albian macro- and palynoflora from the Negev (Israel) with description of a new gymnosperm morphotaxon // Cretaceous Research. 2011. Vol. 32. № 1. P. 13–29 (in co-authorship with E. Schrank).

Morphology as clue to developmental regulation: stomata // Plant. 2013. Vol. 1. № 3. P. 30.

New Cenomanian florule and a leaf mine from southeastern Morocco: Palaeoecological and climatological inferences // Cretaceous Research. 2013. Vol. 40. P. 218–226 (in co-authorship with F. Bacchia).

On pragmatism, life, and evolution // International Journal of Philosophy. 2014. Vol. 2. № 6. P. 72–79.

Evolution: system theory. Sofia: Pensoft, 2014. 414 p.

Carpel–fruit in a coniferous genus *Araucaria* and the enigma of angiosperm origin // Journal of Plant Sciences. 2014. Vol. 2. № 5. P. 159–166 (in co-authorship with S. Barinova).

“Flower” of *Magnolia grandiflora* is not flower and what about ‘basal angiosperms’ // Journal of Plant Sciences. 2014. Vol. 2. № 6. P. 282–293 (in co-authorship with S. Barinova).

Rotation forcing of tectonics and climate // Earth Sciences. 2014. Vol. 3. № 3. P. 68 (in co-authorship with S. Barinova, S. Rybnikov).

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Биография учёного как жанр¹

В. И. Оноприенко

Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки
им. Г. М. Доброва НАН Украины, Киев, Украина; valonopr@gmail.com

Я увлёкся биографиями учёных поздно, после защиты докторской диссертации по философии науки, работая в то время (начало 1980-х гг.) в Секторе естествознания и техники Института истории АН УССР. Видимо, всё-таки была какая-то потребность соединить, совместить (или противопоставить) философские абстракции с конкретным материалом по истории науки. А скорее всего, давали о себе знать мои внутренние литературные потребности. Начальный процесс этого увлечения проходил у меня бурно, с энтузиазмом. Увлекла работа в архивах, киевских, московских и ленинградских, которая прочно вошла в мою жизнь на многие годы. В частности, она серьёзно подвинула меня к увязшей тогда в идеологических штампах истории украинской науки, истории возникновения и становления Украинской академии наук. Это произошло позже, при работе над биографией П. А. Тутковского, одного из основателей Украинской академии наук.

Меня привлекала также перспектива после масштабного архивного поиска опубликовать полноценную книгу в московском издательстве «Наука» на самом высоком научном уровне. Уже около 20 лет в АН СССР при Институте истории естествознания и техники работала редколлегия общеакадемической серии «Научно-биографическая литература», которая на достаточно демократической основе проводила экспертизу

¹ Размышления над книгой: *Колчинский Э. И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977* / Отв. ред. К. В. Манойленко. СПб.: Нестор-История, 2013. 320 с. (Научно-биографическая серия РАН).

и отбор на подготовку биографий учёных, как отечественных (в широком смысле слова), так и зарубежных. Указанная серия сыграла выдающуюся роль в расширении сообщества историков науки, среди которых, естественно, было немного тех, кто занимался исследованиями профессионально. Вот с ней я и связал надолго свою судьбу.

В качестве героя первой биографической книги я избрал, пожалуй, самого известного в мире (даже больше, чем патриарх российской геологии академик А. П. Карпинский) геолога, академика Петербургской академии наук Феодосия Николаевича Чернышева. Кроме общей симпатии к его личности, меня привлекло то, что он был киевлянином, закончил знаменитую Первую киевскую гимназию, которую я так любил по знаменитым книгам М. Булгакова и К. Паустовского. Немаловажным для меня было то обстоятельство, что Ф. Н. Чернышев умер рано, в 57 лет, накануне Первой мировой войны, и последовавшие войны и революция стёрли в какой-то мере память о масштабе его личности. Было и ещё одно обстоятельство, которое в какой-то мере нейтрализовало мои комплексы перед новым типом работы: руководитель отдела истории техники, в котором я работал, Юрий Александрович Анисимов, замечательный историк естествознания и техники, фронтовик, комбат, инвалид войны первой степени, честнейший и скромнейший человек, пользовавшийся большим авторитетом в киевском Институте истории и в ИИЕТе, занимался когда-то Ф. Н. Чернышевым и написал о нём небольшую брошюру. Поэтому заявку о книге я подал от него и себя, правда, ему об этом не сказал.

Начал я с того, что можно было найти в Киеве, и вся моя семья, в особенности отец, пристрастный киевлянин, долго рассматривали и читали три тома истории Первой киевской гимназии, которые я нашёл в библиотеке Института истории. Небольшие находки в архивах Киева меня, тем не менее, радовали, ведь я получил уже счастье поиска. Но настоящее счастье поиска я испытал в Ленинграде, в архивах и прекрасных библиотеках: Государственной публичной, Академии наук и Геологического комитета, где работал до изнеможения. Мой питерский друг Сергей Романовский показал мне на Смоленском кладбище так называемые Горные мостки, где захоронена профессура Горного института, и мы отыскивали могилу Ф. Н. Чернышева. Я разыскал внучку Чернышева, коренную питерскую интеллигентку, правда, о деде я ей рассказал больше, чем она мне. Но зато я получил от неё ценный подарок — блок семейных фотографий.

Книга вышла в 1984 г., достаточно большого объёма — 18 авторских листов. Тогда «Наука» издавала книги этой серии большими тиражами, стоили они дёшево. Книгу я принёс Ю. А. Анисимову незадолго до его смерти. Он из-за своей щепетильности был шокирован и даже напуган, но биография получилась настолько содержательной, что мне удалось его убедить, что написание книги не обошлось без его участия.

Моя работа в рамках серии РАН «Научно-биографическая литература» продолжается до сих пор, несмотря на все перипетии кризиса в науке и отношений Украины и России. В этой серии опубликовано 14 моих книг: «Феодосий Николаевич Чернышев» (1984, с Ю. А. Анисимовым), «Павел Аполлонович Тутковский» (1987), «Николай Иванович Андрусов» (1-е изд., 1990), «Геннадий Данилович Романовский» (1995), «Флоренские» (2001), «Борис Борисович Голицын» (2002), «Владимир Иванович Лучицкий», «Александр Сергеевич Поваренных» (2004, с М. В. Оноприенко), «Кирилл Владимирович Симаков» (2006), «Чирвинские» (2008, с М. В. Оноприенко), «Юрий Александрович Билибин» (2009), «Гавриил Иванович Горецкий» (2012, с Р. Г. Горецким), «Николай Иванович Андрусов» (2-е, доп. и перераб. изд., 2013), «Яков Владимирович Самойлов» (2015). К ним примыкает изданная по иронии судьбы вне серии,

но с соблюдением всех её норм книга «Век Яншина» (2011), выход её был приурочен к 100-летию А. Л. Яншина. Выходили мои биографические книги также в издательствах «Мысль», «Недра», «Наукова думка».

О том, насколько я оказался приверженным этой серии, говорит тот факт, что в последние годы серия перестала финансироваться в издательстве «Наука», книги начали издаваться или на спонсорские деньги, или в других издательствах вне серии, выпуск их резко сократился. Последние четыре книги я издал после рекомендации редколлегии серии в Киеве за свой счёт в полном соответствии оформлению в серии, и рецензии о них опубликованы в ведущих журналах Украины, России и Беларуси.

Работа в серии и в издательстве «Наука» дала мне очень многое. В серии под руководством бессменного в течение 40 лет председателя редколлегии академика А. Л. Яншина, страстного книголюбца и библиофила, была разработана определённая методология разработки научных биографий учёных. В серии «Научно-биографическая литература» было издано свыше 600 книг, это выдающийся вклад не только в историю науки, но и в историю культуры. Главный двигатель серии, её учёный секретарь, недавно ушедшая из жизни Зинаида Кузьминична Соколовская, видный историк науки, вела неустанную работу с авторами книг, издала несколько справочников по серии, которые рассматриваются как заметный вклад в книговедение.

Вспоминаю об этом не для того, чтобы выделить свой вклад в разработку серии РАН «Научно-биографическая литература». Скорее наоборот — как всякого исследователя, находящегося в постоянном поиске, меня продолжают волновать проблемы методологии биографического жанра и сама возможность осуществления научной биографии.

Несмотря на кажущуюся простоту и многовековую традицию, биография, в её литературной и научной форме, — жанр, который по самой своей сути содержит в себе противоречия, и каждый работающий в этом жанре должен это осознавать. Об этих противоречиях я скажу несколько позже, а пока возвращусь к книге Э. И. Колчинского о К. М. Завадском.

Книга произвела на меня сильное впечатление. Особенно поразил меня материал о семье К. М. Завадского, которая сыграла выдающуюся роль в его становлении как исследователя и в формировании его личности. Этот «ближний» круг его коммуникации, всегда важный и значимый для творческого роста личности, раскрыт очень предметно. Отец, М. М. Завадский, потомок древнего дворянского рода и видный юрист дореволюционной России, остался вместе с семьёй после октября 1917 г. в голодающем Петрограде, служил в правительственных учреждениях, а затем был служащим на одном из предприятий Ленинграда. В Петрограде закончил свои дни и дед Кирилла Михайловича Завадского — М. Р. Завадский, сенатор Российской империи, один из видных организаторов образования в России во второй половине XIX — начале XX века, работавший после революции в системе народного образования. Раннее детство юного Завадского прошло в духовно богатой атмосфере интеллигентной семьи.

Период становления личности Завадского совпал с кардинальной ломкой общественных отношений в советской России. Тем не менее, несмотря на следовавшие один за другим проекты реформы образования, ему удалось получить фундаментальное образование сначала в Тенишевском училище, а затем в Ленинградском педагогическом институте. Завадский осознанно искал своё истинное поприще и нашёл его в деятельности теоретика и методолога, но, что особенно важно, имея в виду биологическую науку, не уйдя от эмпирико-экспериментальных исследований, чем подкрепил базис творческой аргументации при выводе теоретических положений.

Текст раздела «В центре биологических дискуссий» я читал тяжело, настолько этот текст насыщен документально и идейно, воссоздана духовная атмосфера времени. Завадский проявил себя в этой бескомпромиссной борьбе как один из лидеров оппозиции Т. Д. Лысенко и И. И. Презенту, с последним ему пришлось работать много лет.

Как автор, много работающий в этом жанре, я могу оценить обилие материалов, почерпнутых из государственных архивов и личного архива Завадского, а также качество теоретической проработки достижений героя биографии как исследователя.

Вклад Завадского в разработку эволюционной теории и практики автор биографии выражает ёмкой формулой в Заключении к книге:

Завадский внёс существенный вклад в развитие и распространение политипической концепции вида в СССР, в пропаганду новейших достижений теории вида в рамках СТЭ и в изучение её истории. По составленным им программам более 20 лет шло преподавание эволюционной теории в университетах СССР. Он творчески разработал вопросы, связанные с определением понятия вида, его структуры, внутривидовых отношений, с обоснованием таких типов видообразования, как симпатрическое и неоформогенное. Прав оказался Завадский в критике абсолютизации биологической концепции вида и в признании симбиогенеза важнейшим механизмом мегаэволюции. В значительной степени благодаря его трудам сложились современные представления об основных уровнях организации жизни и главных этапах их эволюции. Особенно актуальной в наши дни оказалась поставленная им проблема эволюции надвидовых уровней организации живого, включая биосферу... Завадский внёс существенный вклад в экспериментальное изучение движущих сил эволюции (борьбы за существование и естественного отбора) и структуры популяций растений, разработал оригинальную концепцию вида и видообразования, предложил продуманную классификацию основных уровней организации живого, исследовал критерии и закономерности прогресса, основные этапы и тенденции развития эволюционной теории от Ч. Дарвина до 1970-х гг., сформулировал программу эволюционной фитофизиологии (Колчинский, 2013, с. 266—267).

В тексте книги он неоднократно возвращается к оценке вклада, конкретизирует и корректирует его, и это правильно.

Противоречиям биографии как жанра посвящена литература из разных отраслей науки. Такие противоречия называют апориями. Апория — это вымышленная, логически верная ситуация (высказывание, утверждение, суждение или вывод), которая не может существовать в реальности. Такое суждение фиксирует несоответствие эмпирического факта и описывающей его теории.

Апории создают внутреннее напряжение в биографии как культурной форме. Биография есть акт письма, особый тип культурной записи социальных значений, и это позволяет реконструировать, на какие представления о человеке, действии, его смысле биография опирается (в том числе — опирается молчаливо), как она авторизуется, кто «аккредитует» биографию как самосознание (самоорганизацию) и биографию как повествование (репрезентацию), какова коммуникативная (ролевая) структура этого акта, структура свёрнутых в нём отсылок и адресаций и какова, соответственно, программа, стратегия её понимания, чтения. Биография, с одной стороны, представляет собой схему упорядочения собственного опыта как компонента системы ориентации действующего индивида (автобиография), с другой стороны — это гипотетическое воспроизведение этой схемы самопонимания и самопредъявления индивида уже другим действующим лицом в ситуации и акте биографирования.

Обычно биографию как культурную форму связывают со становлением и эволюцией идеи личностной автономии в истории культуры, с завершением европейских

революций XVII—XVIII вв., с распадом и пересмотром нормативно-классического канона в культуре, мышлении, искусстве секулярной и постсословной эпохи. В то время подобная нормативная стабилизация, обретение публичной солидности, культурная фиксация нового «удостоверения личности» в виде биографии как идеи и как формы были вполне правомерны и плодотворны. Историю и типологию биографии можно представить как историю и типологию форм самоконституирования личности, умножения типов «я», развитие чисто нормативных, узкогрупповых перспектив понимания индивидуальности. Типы биографии дифференцируются и функционально ограничиваются. Одновременно ограничивается и общая роль биографической репрезентации в обществе, модельное значение или претензии биографического принципа в культуре.

В последующем и в литературе, и в науке биографический жанр всё больше отходит в репродуктивные подсистемы, выполняя функции популяризации, перевода ценностей науки или художественной культуры на языки других групп и субкультур. В результате сформировалась характерная «вторичность» биографического жанра: как правило, биографами не становятся оригинальные, самостоятельные исследователи, самоутверждение которых происходит совсем иными способами.

Биограф, часто даже неосознанно, проводит селекцию и интерпретацию эмпирических фактов и возводит их до нормы понимания реальности, которая «должна» иметь историю, обладать «биографией». Без этих вменяемых ей атрибутов реальность для данного субъекта непонятна и неинтерпретируема. Как правило, работать со сложными символическими или культурными системами биографический историк не умеет и не хочет. Чаще всего он ограничивается более простыми, рутинными, нормативными либо традиционалистскими компонентами реконструируемого действия и фактически вытесняет при этом иную, небиографируемую реальность, помимо индивидуальной воли, самой логикой своего ролевого поведения, применяемым набором инструментов и процедур отказывая ей в существовании. Например, он устраняет из поля внимания те разнообразные социальные структуры, которые помещают себя вне официальных рамок общества (разного рода неформальные кружки или группы), вне общепризнанных границ письменной культуры (сферы нефиксируемых устных коммуникаций, неподцензурную «вторую» культуру и т.д.). В биографиях, как правило, не работают с такого рода «отсутствующими реальностями».

На мой взгляд, определённым противоядием в отношении такой тенденции в биографистике следует рассматривать идеи о так называемом *биографическом мире*. В концепте «биографический мир» объединяются понятия внутреннего и внешнего миров героя биографии. Биографический мир — это культурное пространство, в котором личность перемещается между профессиональной и бытовой, личной и публичной сферами, меняя роли, статус, собственные интересы и виды деятельности. Это коммуникационная модель, содержащая внутренний и внешний миры личности, результат коммуникаций человека с его окружением. Биографический мир — это культурный мир человека и связанных с ним групп, личностей, сообществ и общества в целом.

Это требование в достаточно полной мере реализовано в биографии Завадского, который был человеком высокой коммуникационной культуры, и круг его общения был обширным, даже несмотря на идеологические ограничения советского времени.

Перспективы биографических исследований связывают с ресурсами нарративной психологии, согласно которой жизнь человека конструируется самим же человеком, заурядным, обычным, или известным, публичным, выдающимся. Нарратив — это взгляд на жизнь человека как на рассказ. Жизнь человека не столько им проживается,

сколько им же самим рассказывается, описывается, украшается, драматизируется, умалчивается, или, наоборот, акцентируются некоторые факты, события, эпизоды, объединяемые в единую линию повествования, тогда как другие не упоминаются, отбрасываются, игнорируются, извращаются, фальсифицируются. Жизнь человека становится такой, какой её представляет субъект или объект повествования. Упорядочить историю жизни означает свести вместе ряд жизненных эпизодов и различных сообщений в виде определённой нарративной структуры, которая имеет начало, середину и конец. Дизайн подобной повествования создает рассказчик, автор собственного жизнеописания или исследователь такого жизнеописания. Именно рассказчик объединяет все события жизни в определённую целостность и объясняет их. Речь идёт о том, что человек или исследователь жизни выдающейся личности конструируют каждый по-своему жизненные истории с помощью нарратива/повествования. Нарратив образует связь между человеком и его окружением, социокультурным контекстом эпохи, в рамках которой человек и проживает свою жизнь. Жизненные истории не возникают из одного человека, они формируются и конструируются из эпизодов жизни конкретного человека и его окружения, системы коммуникаций с другими людьми через всю его жизнь.

Биография часто трактуется нормативно, в рамках заданной карьеры того или иного типа в границах соответствующих институтов: семьи того или иного статуса, средней и высшей школы, разнообразных профессиональных коллективов, союзов и обществ. Именно они образует «вехи» официальной биографии. Жизнь каждого человека предстает здесь в виде послужного списка, разделы которого «озаглавлены» соответствующими институтами с указанием их статуса, выражений институционального, государственного либо общественного одобрения, признания в виде премий, наград, списков публикаций, трудов. По сути это анкетная «автобиография», учётный листок регулирующего людские потоки отдела кадров, документ, удостоверяющий личность как место в социальной структуре, дающий право на известные блага или привилегии. Не обладают подобной биографией только лица, исключённые из социума, не удовлетворяющие положенным в нём кондициям. В связи с этим ставится чуть ли не как центральная задача подтверждения документами такого рода анкеты. Индивид предстает в виде растущей и упорядочиваемой коллекции официальных справок, свидетельств и других документов. Если документов не хватает (а это совсем не редкий случай), биограф заполняет образовавшиеся лакуны на свой риск собственными интерпретациями.

Эти и другие апории биографии и биографического метода способствуют мифологизации биографий. Биограф в затруднительных случаях всегда готов подставить собственные, принятые в его культуре, часто вполне трафаретные, анонимные, почерпнутые из здравого смысла нормы интерпретации. В соответствии с догмой биографического метода интерпретатор видит в самом жанре биографии гарантию «личностного» подхода к объекту и свою интерпретацию рассматривает как свое «индивидуальное» достижение, а также исходит из веры, что знает о биографируемом больше, чем тот знал о себе сам.

Противоречия биографии являются неизбежными, их трудно преодолеть, поскольку они связаны с самой природой биографического жанра. Это не означает, что этот жанр должен умереть. Напротив, он вполне процветает и множит свои проявления в разных формах, ветвится и завоевывает новые ареалы культуры. Но в научной биографии особенности биографии всё-таки должны коррелировать с постоянно изменяющимся контекстом науки. Тем более биографии учёных не могут создаваться по подобию «житий святых», покрываться глянцем и смахивать на иконы.

На мой взгляд, биографию учёного следует вписывать в широкий контекст быстро изменяющейся науки. Особенно это касается вклада исследователя, значимость которого меняется со временем. Некоторые достижения блёкнут в перспективе развития науки, поскольку наука постоянно меняет русло. Напротив, есть и такие результаты, которые со временем становятся зародышами новых направлений, и это обязательно надо отмечать в биографии.

Приоритетной задачей при создании биографии учёного остаётся оценка его вклада в развитие науки, определение его места в интеллектуальном контексте эпохи. Очевидно, что задача эта трудоёмкая, многосложная и требующая особых усилий от биографа. При её решении необходимо не только профессионально разбираться в проблемах данной отрасли знания, но и хорошо знать её историю, опираться на знания о логике её развития, реконструировать путь, который привёл учёного к постановке проблемы, выбору методов её разрешения и получения новых результатов. Это предполагает адекватную характеристику логической ситуации в науке, детерминировавшей открытие и решение задачи. Как правило, этому способствует также реконструкция научной атмосферы, раскрытие механизмов движения науки, обусловивших генезис проблемы.

Для оценки вклада учёного чрезвычайно важно представлять и понимать структуру, нормы и ценности того профессионального сообщества, в котором ему пришлось действовать и утверждаться, учитывать факторы, влиявшие на получение профессионального признания и удостоверения научных результатов, коммуникации, конкуренцию и сотрудничество в исследованиях, стереотипы профессионального поведения, расстановку сил внутри научного сообщества.

В биографиях нередко случаи, когда заслуги многих учёных приписывают одной личности, что ведёт к преувеличению роли одних и замалчиванию достижений других. Представление о научном сообществе утверждает особую роль научных коммуникаций, которые способствуют рождению нового знания через интенсивное общение учёных. Отсюда следует, что совместная работа исследователей, коммуникационные сети, участие всех членов профессионального сообщества в удостоверении новых результатов — важнейший фактор прогресса науки. История науки доказывает, что даже кардинальные открытия, отмечавшие поворотные вехи в развитии науки, как правило, являются результатом коллективных усилий, они подготавливаются многими исследователями, хотя и выражаются в отчётливой форме кем-то одним из них.

При оценке вклада учёного имеет значение также учёт разделения труда в науке, типологии исследователей, специфики различных видов исследовательской деятельности.

Особняком стоит проблема обоснования научных и технических приоритетов, которая представляется особо трудоёмкой. На пути её решения возникает много ловушек, которые чаще всего ведут к преувеличению роли достижений того или иного учёного. Так, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в Советском Союзе появилось много работ, в которых утверждался приоритет отечественных учёных, инженеров, изобретателей в разных отраслях науки и техники. Такой «лжепатриотизм» нанёс заметный ущерб объективным фактам истории науки и техники. Многие научные и технические приоритеты доказываются и отстаиваются в тяжёлых дискуссиях, которые продолжаются десятилетиями. Примером такой дискуссии с участием специалистов различных поколений можно назвать отстаивание приоритета в изобретении радио А. С. Поповым и Г. Маркони, которая продолжается и ныне.

Пока речь шла об оценке вклада учёного в контексте той эпохи, в которой ему пришлось жить и работать. Но для истории науки не менее важна и другая сторона этой

проблемы — проследить судьбу научного вклада в дальнейшей истории науки, в том числе оценить перспективность идей, разработок, технических решений с позиций современности. Время вносит свои коррективы в оценку научного вклада, что не снижает сделанного учёным, но требует значительных усилий со стороны биографа для выявления его ценностного ядра.

В этом отражается существенная гносеологическая сторона историко-научного исследования, которая отмечалась многими методологами, но особенно ярко В. И. Вернадским: историк науки, как и всякий историк, писал он, всегда познаёт прошлое как бы сквозь призму настоящего — он преломляет прошлую историю человеческой мысли через те достижения, к которым пришла современная ему научная мысль. Именно такое изучение истории науки является, по мнению В. И. Вернадского, важнейшим требованием её научности, так как если историк науки, например историк физики, химии, биологии и других научных дисциплин, при изучении её истории отвлекается от современного уровня её развития, он подвергается неизбежному риску дать во многом архаичную картину её прошлого, в лучшем случае лишь повторить то, что было уже известно и до него.

Историческая картина развития науки зависит как от прошлого, так и от настоящего, причём и в том, и в другом случае эта зависимость ведёт к тому, что картина оказывается не чем-то законченным и неподвижным, а, напротив, представляет собой явление подвижное, изменчивое, находящееся в состоянии постоянного развития. Учёт этих обстоятельств может приобрести для историка науки методологическое значение.

При оценке сделанного учёным такая «трансляция» его вклада во времени имеет непреходящее значение. Значимость прослеживания эволюции достижений учёного во времени выходит далеко за пределы биографического жанра и имеет большое значение для различных задач исторического реконструирования развития науки.

Проблема оценки вклада учёного — принципиально открытая. Установленная Р. Мертоном мотивация учёного к признанию вклада — важный стимул научной деятельности. Эта оценка, удостоверение вклада проходит в исследовательских группах. Существенным было представление Р. Мертона о том, что, не находя такой оценки в одной профессиональной группе, учёный обращается в другие группы, ищет в них понимания, вплоть до формирования «невидимого колледжа». Эта схема хорошо иллюстрирует, как происходит дифференциация науки, её ветвление на новые отрасли. Тем не менее проблема оценки вклада отдельного учёного, не нашедшего своего профессионального сообщества, научной парадигмы, отвечающей его новациям, остаётся. Выход за пределы корпорации, работа на «стыках», в междисциплинарном пространстве всегда чревата непониманием и непризнанием.

Сама наука в силу своей высокой динамики вносит существенные коррективы в былые достижения учёных. В каждой биографии учёного я стремлюсь отметить, часто путём скрупулёзного анализа, такие коррективы. Среди них могу назвать обнаруженную наукой спустя полтора десятилетия после смерти Ф. Н. Чернышева ошибку определения им возраста мощных толщ девонского возраста на Урале, опубликованную в капитальных его монографиях, признанных мировым сообществом учёных. Ещё при жизни П. А. Тутковского было отвергнута его концепция ископаемых пустынь в северном полушарии Земли, в частности в украинском Полесье. Сделал это соратник В. И. Вернадского Б. Л. Личков, показавший аллювиальную природу отложений этих территорий. Наука сама вносит коррективы в достижения учёных, но их надо находить и тем самым объективизировать материал биографий. Точно так же можно через изучение коммуникаций учёных и расстановку сил

в профессиональном сообществе внести существенно новые оценки относительно масштабов деятельности и приоритетов исследователей прошлого.

Разъясняя вклад Завадского в разработку проблемы вида, автор пишет:

Впервые к проблеме видообразования К. М. Завадский обратился в 1949 г., в самый мрачный период позднего сталинизма, вскоре после августовской сессии ВАСХНИЛ. В статье (Завадский, 1949б) были все обязательные атрибуты того времени: ссылки на высказывания В. И. Ленина, И. В. Сталина, Т. Д. Лысенко, Б. А. Келлера как не подлежащие обсуждению; критика плоского эволюционизма Ч. Дарвина, отказ от терминологии зарубежных авторов и т. д. Вместе с тем в работе был очерчен круг проблем, ставших центральными в его понимании вида (целостность, реальность, структура, внутривидовые отношения), а под видом критики плоского эволюционизма и внезапного трансформизма по существу намечен синтез градуализма и сальтационизма. В статье в качестве фактических доказательств приводились данные А. О. Ковалевского, В. Л. Комарова, А. Н. Северцова, А. Л. Тахтаджяна, Н. В. Цингера и других отечественных классиков дарвинизма. Два года спустя он посвятил большую статью взглядам В. Л. Комарова на реальность и целостность вида, положившую начало его историко-критическим исследованиям проблемы вида, проводившимися параллельно с экспериментальными работами по структуре популяций и по начальным этапам видообразования (Завадский, 1952б). Будучи тяжело больным, Завадский закончил и опубликовал книгу «Учение о виде» (1961б), которая стала значительным событием в истории отечественной эволюционной теории и ботаники. В ней были синтезированы данные многолетних экспериментальных исследований по структуре вида и внутривидовым отношениям и большой литературный материал, связанный с обсуждением исторических и теоретических вопросов. Уже список иностранной литературы свидетельствует об авторской позиции (Колчинский, 2013, с. 160).

В то непростое время Завадский последовательно позиционировал себя как последователя взглядов Н. И. Вавилова на проблему вида.

Точно так же в книге Э. И. Колчинского аргументированно доказаны другие достижения Завадского. Например, обсуждение им проблемы прогресса живого подкрепляется последующим изучением эволюции биосферы: прогрессивное развитие в рамках отдельных филогенезов является результатом эволюции живой природы в целом.

Биография Завадского написана его учеником, и в этом случае высоко искушение идеализировать героя книги, создать эмблематический его образ, что так характерно для многих биографий. На мой взгляд, этого удалось избежать, хотя симпатия к учителю в высоком смысле слова — неотъемлемое свойство книги. Имманентные качества исследователя — неуспокоенность, самоирония, неустанный поиск — в высокой степени присущи Завадскому, и это многократно выражено в содержании книги. Научная школа Завадского — состоявшийся феномен. При всём моём скепсисе относительно поиска множества школ в постсоветской науке («чем меньше научных результатов — тем больше школ») в этом случае феномен школы чётко фиксируется не только многими плодотворно работающими учениками, но и её научной программой, сплотившей единомышленников, но ещё более тем, что для Завадского школа была способом жизни.

Личный опыт работы над биографиями учёных и анализ биографии К. М. Завадского, написанной Э. И. Колчинским, убеждает меня, что, несмотря на все противоречия биографического жанра, перспективы научной биографии учёного всё-таки существуют, но они связаны с трудоёмкой реконструкцией вклада исследователя как в прошлом, так и в настоящем науки.